

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЖАНРЫ И СТИЛИ
ЛИТЕРАТУР
КИТАЯ И КОРЕИ
СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1969

И. Э. ЦИПЕРОВИЧ

**О ЖАНРЕ КИТАЙСКИХ ИЗРЕЧЕНИЙ
ЦЗАЦЗУАНЬ
(История изучения и характеристика
жанра)**

«Цзацзуань» — это краткие, в основном юмористические изречения о людях, их поведении в обществе, их привычках, слабостях, пороках, их эмоциях, симпатиях или антипатиях. Одни из них так метко, образно и живо передают комические бытовые ситуации, что предстают как своеобразные сценки-юморески; другие сильны своим политическим обличением; третьи полны лиризма.

Приведем несколько выдержек из собраний цзацзуань различных авторов:

Стыдно показаться людям на глаза:
новобрачной, которая нарушила приличия, войдя в дом мужа;
беременной монахини;
тому, кто весь в синяках после драки;
богачу, который недавно разорился;
девушке, о которой судачат;
тому, кто в дни траура напился допьяна¹.

Ли Шан-инь, IX в.

Неуместно:
любоваться огнем на пожаре;
восторгаться искусством палача во время казни;
глазеть на утопающего;
просить милостыню в лавчонке, где торгуют фитилями;
в доме, где разводят шелковичных червей, просить,
чтобы тебе оставили издохших;
приглашать допущенного к экзаменам человека в учителя к
внукам на будущий год, когда он выдержит².

Ван Цзюнь-юй, XI в.

¹ Ли Шан-инь, Цзацзуань И-шаня, — Цит. по изд. «Цуншу цзичэн», вып. I, Шанхай, 1937, кн. 2987, стр. 1 (на кит. яз.).

² Ван Цзюнь-юй, Продолжение цзацзуань, — цит. по: «Цуншу цзичэн», кн. 2987, стр. 19.

Не научишься:
хорошему голосу;
силе;
грациозности;
бесстыдству;
рожать только мальчишек³.

*Хуан Юнь-цзяо, XVI—XVII вв.,
годы жизни не установлены.*

Двойная неприятность:
в летний зной прислуживать начальнику;
отправляться в дальний путь на хромом осле;
угощать гостя невыдержанным вином и самому пить с ним⁴.

Вэй Гуан-фу, XVIII—XIX вв.

В свое время цзацзуань пользовались большой популярностью, но сейчас эти произведения, можно сказать, забыты даже в самом Китае и почти не изучены. В какой-то степени известно только самое раннее собрание цзацзуань — «Цзацзуань И-шаня», принадлежащее перу выдающегося поэта и писателя Ли Шан-иня (812—858, второе его имя — И-шань). О собраниях других авторов цзацзуань, причем далеко не всех, лишь изредка упоминалось в литературе. Между тем ряд писателей последующих веков вплоть до начала XIX в. возвращались к этой литературной форме, и их собрания цзацзуань заслуживают не меньшего внимания, чем «Цзацзуань И-шаня».

Уже в период Сун (X—XIII вв.) появляются «Продолжение цзацзуань» («Цзацзуань сюй») Ван Цзюнь-юя (XI в.) и «Второе продолжение цзацзуань» («Цзацзуань эр сюй») Су Ши (XI в.); в минскую эпоху были написаны «Третье продолжение цзацзуань» («Цзацзуань сань сюй») Хуан Юнь-цзяо (XVI—XVII в.) и «Смешное в жизни» («Фэн су дань») Сюй Шу-пи (XVII в.), которое по существу может быть названо «Четвертым продолжением цзацзуань»; при Цин, в XVIII—XIX вв., выходят «Новое продолжение цзацзуань» («Цзацзуань синь сюй») Вэй Гуан-фу и «Дополнение к цзацзуань» («Гуан цзацзуань») Гу Лу.

К цзацзуань относятся также произведения, не названные ни в одной из работ, имеющих отношение к цзацзуань. Это собрание «Бань-ань о смешном» («Бань-ань сяо чжэн») Чэнь Гао-мо (XVIII в.), которое Чжоу Цин-мин включил в

³ Хуан Юнь-цзяо, Третье продолжение цзацзуань, — цит. по антологии «Продолжение антологии Шо фу», 1647, кн. 45, стр. 4 (на кит. яз.).

⁴ Вэй Гуан-фу. Новое продолжение цзацзуань, — цит. по собранию «И-су цао тан цун бян», стр. 1. К сожалению, мы не можем указать выходных данных издания, так как в нашем распоряжении были только отдельные страницы этого издания, присланные в виде микрофильма.

свой сборник анекдотов⁵, и «Цзацзуань о женщинах» («Цзинь юань цзацзуань») Фан Сюаня (XVII—XVIII вв.). Не исключена возможность, что существуют еще и другие собрания цзацзуань, оставшиеся нам неизвестными.

Перечисленные собрания являются произведениями того же литературного жанра, что и цзацзуань Ли Шан-иня. Это дает основание говорить о преемственности и рассматривать цзацзуань как произведения, представляющие собой четко определенную, пусть и небольшую, линию в развитии литературного процесса.

Как самостоятельный жанр цзацзуань — одни из наиболее ранних произведений китайской средневековой прозы, созданные не рассказчиками (как, например, бяньвэнь или хуабэнь), а литераторами, где говорится о самых будничных вещах; причем написаны они не на классическом малообразном литературном языке, а на языке, близком к разговорному литературному языку своей эпохи, изобилующем простонародными выражениями и бытовой лексикой. И по содержанию и по форме эти произведения отражают демократическое направление в творчестве писателей.

Авторы переводов «Цзацзуань И-шаня» или его исследователи, пытаясь найти подходящий эквивалент для термина «цзацзуань» как особого вида литературы, называли цзацзуань «изречениями», «афоризмами», «заметками», «всячиной». Эти, в общем правильные, определения не отражают основной отличительной черты большинства подобных произведений, а именно их остроумия, юмора, порой грустной иронии, направленных против отрицательных общественных явлений, отрицательных сторон характера, неблагоприятных поступков, часто свойственных людям. При определении данного жанра, близкого к изречениям, более правильным представляется сохранить за ним его китайское название «цзацзуань», поскольку ни по характеру, ни по своеобразной форме цзацзуань не укладываются в группы и нормы, установленные наукой о литературе.

Цзацзуань не упоминаются ни в современных китайских историях китайской литературы, ни в европейских. Как о жанре, как о своеобразном виде литературы, имеющем свою традицию и свою определенную линию развития, о цзацзуань не говорится ни в одной литературоведческой работе, касающейся цзацзуань.

В переводах на европейские языки есть лишь собрание «Цзацзуань И-шаня». Существует частичный перевод этого

⁵ «Четыре собрания анекдотов периодов Мин и Цин». Сверка текста и редакция Чжоу Ци-мина, Пекин, 1958 (на кит. яз.). Более полный текст «Бань-ань о смешном» содержится в «Собрании анекдотов всех эпох». Составитель Ван Ли-ци (Шанхай, 1956, на кит. яз.).

соорания на русский язык⁶ и полный его перевод на английский⁷ и французский⁸ языки.

Из европейских исследователей цзацзуань занимался лишь один французский японовед Бонмаршан, автор обстоятельной статьи о цзацзуань, следующей за его переводом собрания «Цзацзуань И-шаня» на французский язык. Правда, исследовательская часть этой работы, опубликованной в японском периодическом издании, выполнена в значительной мере на японских материалах и скорее рассчитана на японского читателя, чем на французского (о чем свидетельствуют постоянные ссылки на японское произношение китайских терминов и собственных имен, встречающихся в статье, а также указание на японское чтение китайского иероглифического текста цзацзуань).

В статье Бонмаршан дает краткий анализ «Цзацзуань И-шаня» и значительное место уделяет вопросу о подлинном авторе собрания, возможном проникновении этого произведения в IX—X вв. в Японию и о его влиянии на творчество известной японской писательницы X—XI вв. Сэй сёнагон.

Современное китайское литературоведение игнорирует жанр цзацзуань. Единственный ученый, который обратил внимание на цзацзуань и высоко оценил их, был Лу Синь. В своей истории китайской литературы Лу Синь особо останавливается на «Цзацзуань И-шаня», ставит вопрос о подлинном авторе этого произведения и приводит отрывки из него. Лу Синь указывает также, что были и продолжатели этой литературы — Ван Цзюнь-юй, Су Ши и Хуан Юнь-цзяо⁹.

Похоже, что в современном китайском литературоведении в отношении к цзацзуань сохранилась старая традиционная официальная точка зрения: эти произведения по-прежнему не принимают за подлинную художественную литературу. В цзацзуань китайские исследователи не видят одного из своеобразных жанров повествовательной литературы, не видят идейных и художественных достоинств, которыми обладают эти произведения.

⁶ О. Л. Фишман, Из «изречений» Ли Шан-иня, — «Советское востоковедение», 1956, № 4, стр. 111—117.

⁷ «The miscellanea of I-Shan», edited and translated by E. D. Edwards, — «Bulletin of the School of Oriental Studies», London, 1930, т. V, ч. IV, стр. 757—783; см. также: «Chinese Prose Literature of the T'ang Period», т. I, — «Prolstain' Oriental Series», т. XXIII, 1937, стр. 127—144.

⁸ «Les notes de Li Yi-chan (Yi-chan tsa-t'souan)», traduit du Chinois. Etude de la littérature comparée par Georges Bonmarchand, consul honoraire de France, — «Bulletin de la Maison Franco-Japonaise», Tokyo, 1955, т. IV, ч. 5.

⁹ Лу Синь, Краткая история китайской прозы «сяошо», Пекин, 1958, стр. 70, 71 (на кит. яз.).

«Цзацзуань И-шаня» хорошо известны в Японии. Интересно, что в первый перевод цзацзуань на японский язык, увидевший свет в 1762 г., помимо собрания И-шаня был включен также перевод «Продолжения цзацзуань» Ван Цзюнь-юя. Кроме того, появившаяся вслед за этим изданием работа о цзацзуань «Сомнительные места в шести собраниях цзацзуань» («Цзацзуань року сю сонги») включала в себя трактовку отдельных мест из собраний цзацзуань Ли Шан-иня, Ван Цзюнь-юя, Су Ши, Хуан Юнь-цзяо, Вэй Гуан-фу и Гу Лу¹⁰.

Краткие сведения о цзацзуань дают и некоторые японские энциклопедические словари¹¹.

В японском литературоведении существует специальное исследование о «Цзацзуань И-шаня», принадлежащее перу известного японского литературоведа профессора Ирия Эситака¹², а также ряд работ, в которых это собрание анализируется в связи с изучением других литературных явлений. К последним принадлежат работы крупных синологов и японоведов профессоров Кавагути Хисао¹³, Наба Тосисада¹⁴ и Аоки Масару¹⁵.

Особый интерес японских ученых к «Цзацзуань И-шаня» определяется тем, что в японской средневековой литературе были произведения, которые в некоторых частях по форме весьма сходны с цзацзуань. Это отдельные места из «Записок у изголовья» японской писательницы Сэй сёнагон и отдельные места из «Записок от скуки» известного японского писателя XIV в. Кэнко-хоси.

¹⁰ Подробно о выходивших в Японии изданиях и переводах цзацзуань см. в кн.: Кавагути Хисао, Сравнительное изучение истории японской литературы периода Хэйан, написанной в китайской манере, Токио, 1964, стр. 727—729 (на яп. яз.). Из существующих переводов «Цзацзуань И-шаня» на японский язык нам удалось познакомиться только с переводом, выполненным в 1949 г. проф. Мекада Сакуо. Рукопись этого перевода была любезно прислана в Ленинград проф. Кавагути Хисао.

¹¹ Например, Кондо Моку, Большой словарь по китайской литературе, Токио, 1959, стр. 360 (на яп. яз.); Морохаси Тэцудзи, Большой китайско-японский словарь, т. II, Токио, 1960, стр. 12572 (на яп. яз.).

¹² Ирия Эситака, О «Цзацзуань И-шаня», — «Юбилейный сборник, посвященный десятилетию литературного факультета университета Нагоя», Нагоя, 1959, стр. 737—748.

¹³ Кавагути Хисао, «Тоцура» и «Цзацзуань» в «Записках у изголовья», — журн. «Коку го», 1953, стр. 19—30 (на яп. яз.); его же, О «Цзацзуань» Ли Шан-иня и «Записках у изголовья» Сэй сёнагон, — сб. «Тохогаку ронсю», Токио, 1954, т. II, стр. 19—30 (на яп. яз.); его же, «Цзацзуань» Ли Шан-иня, «Тоцура» и «Записки у изголовья», — в кн.: Кавагути Хисао, Сравнительное изучение истории японской литературы..., стр. 721—736.

¹⁴ Наба Тосисада, Исследование рукописного текста «Цза чао», — сб. «Сина гаку», т. 10, 1942, стр. 1—90 (на яп. яз.).

¹⁵ Аоки Масару, Японская литература и китайская литература, Токио, 1942, стр. 35, 36 (на яп. яз.).

У Сэй сёнагон есть, например, такие строки:

То, что мило как воспоминание:
засохшие цветы мальвы; игрушечная посуда; сиреневые и алые лоскутки,
когда-то засунутые в книгу и вдруг найденные там, письмо того, кто
когда-то был тебе мил, найденное как раз тогда, когда дождливо и скуч-
но; прошлогодний веер; светлая лунная ночь¹⁶.

То, что приятно:
хорошо нарисованный женский портрет с красивой и многоречивой над-
писью; переполненный народом экипаж, возвращающийся с праздника в
сопровождении большой свиты и с ловким погонщиком волов, который го-
нит его вовсю.

Приятно написать письмо не особенно тонкой кистью на свежей и
белой митинокской бумаге.

Приятно то, как лодка скользит вниз по реке;

Приятен черный лак, который хорошо ложится на зубы.

Приятно выиграть много фишек в игре¹⁷...

Несомненно, что эти части «Записок» и подобные им ме-
ста близки по форме к цзацзуань.

У Кэнко-хоси читаем:

То, что приятно:
множество утвари возле себя,
множество кисточек в тушечнице,
множество Будд в домашнем алтаре,
множество камней и растений
в садике,
множество детей в семье,
многословие при встрече,
когда в молитвенных книгах много
понапишут о своих благих делах.

Много, а взору не претит:
книги в книжном ящике,
мусор в мусорнице¹⁸.

Подобная форма была столь же необычной для японской
прозы, как и для китайской. И не удивительно, что для объ-
яснения данного явления японские ученые обратились к цза-
цзуань Ли Шан-иня. По поводу возможного их влияния на
Сэй сёнагон в японском литературоведении высказываются
различные точки зрения. Наиболее обстоятельными и извест-
ными исследованиями в этой связи являются работы
проф. Кавагути Хисао. Японский литературовед считает,
что «Цзацзуань И-шаня» могли попасть в Японию в конце
IX в., но полагает, что прямого влияния это произведение на

¹⁶ Сэй сёнагон, Из «Записок у изголовья», — сб. «Восток», вып. I,
Литература Китая и Японии, 1935, стр. 193.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В. Н. Горегляд, О жанровых особенностях «Записок от скуки»
Кэнко-хоси, — сб. «Вопросы филологии и истории стран советского и за-
рубежного востока», М., 1961, стр. 86.

творчество Сэй сёнагон не оказало. Ученый говорит о проме-
жуточном звене между ними — японском собрании афориз-
мов «Десять рядов» («Тоцура») ¹⁹.

В перечисленных работах японских китаеведов говорится
также об истоках и авторстве «Цзацзуань И-шаня» и дается
определенная характеристика этого собрания.

Как уже отмечалось, Наба Тосисада посвятил большое
исследование анализу рукописи «Разное из книг» («Цза
чао»), которая вместе с другим произведением «Поучения
Тай-гуна» («Тай-гун цзя цзяо») была найдена среди руко-
писей в Дуньхуане.

«Цза чао» — это тематический справочник-энциклопедия
китайского типа. Он использовался, по-видимому, как учеб-
ник и был рассчитан на начинающих учащихся. В первой
части «Цза чао» даются элементарные познавательные сведе-
ния для детей, а вторую часть рукописи составляют нраво-
учения, дидактика ²⁰. Наба Тосисада считает, что «Цза чао»
было создано в 20—30-е годы IX в.

В конце полного рукописного текста «Цза чао» ²¹ Наба
Тосисада обнаружил ряд мест, сходных по содержанию и
форме с некоторыми местами «Цзацзуань И-шаня», причем
совпадения эти были во второй половине собрания И-шаня.
Сличив подобные места из «Цза чао» с текстом цзацзуань ²²,
Наба Тосисада обнаружил, что для ряда групп цзацзуань ²³
(26, 28, 39 и 40), занимающих примерно полторы-две страни-
цы небольшого формата, тексты почти идентичны. Подобное
обстоятельство ученый объясняет тем, что в «Цза чао» и
«Цзацзуань И-шаня», которые он рассматривает как неза-
висимые друг от друга произведения, включены распростра-
ненные в то время нравоучения и наставления ²⁴. При этом
Наба Тосисада не высказывает сомнений относительно при-

¹⁹ Подробно об этом см.: Кавагути Хисао, Сравнительное изуче-
ние истории японской литературы..., стр. 734—736.

²⁰ В дальнейшем мы будем называть эту дидактическую часть «Цза
чао» — цзачао. О «Цза чао» см. также: Чжоу И-лян, Изучение руко-
писи «Цза чао», найденной в Дуньхуане, — журн. «Яньцзин сюэбао»,
вып. 35, 1948, стр. 205—212 (на кит. яз.); Чжан Чжэн-лан, По пово-
ду рукописного текста «Цза чао» из Дуньхуана, — «Сборник статей, по-
священных шестидесятилетию со дня рождения проф. Чжоу Шу-тао»,
Пекин, 1951, стр. 251—256 (на кит. яз.); Ван Чун-минь, Описание ма-
териалов Дуньхуана, Пекин, 1958, стр. 215—218 (на кит. яз.).

²¹ Этот экземпляр хранится в Национальной библиотеке Парижа за
номером P.2721.

²² См.: Наба Тосисада, Исследование рукописного текста «Цза
чао», стр. 63—69.

²³ Под группой мы имеем в виду ряд перечислений, относящихся к
одному заголовку. Всего в собрании «Цзацзуань И-шаня» таких групп со-
рок две.

²⁴ Наба Тосисада, Исследование рукописного текста Цза-чао,
стр. 69.

надлежности «Цзацуань И-шаня» перу Ли Шан-иня; правда, специально исследованием «Цзацуань И-шаня» и вопросами его авторства Наба Тосисада не занимался.

Иной точки зрения придерживается Ирия Ёситака. На основании материала «Цза чао», а также отдельных мест детского учебника «Тай-гун цзя цзяо» ученый приходит к выводу, что Ли Шан-инь не является автором «Цзацуань И-шаня». Ирия Ёситака полагает, что общие места во всех трех произведениях лишь отражают популярные ходячие выражения, максимы. Относительно той части «Цзацуань И-шаня», в которой содержится юмор, остроты, шутки, Ирия Ёситака утверждает, что она является результатом коллективного творчества во время застольных игр. Однако Ирия Ёситака тут же замечает, что прямых доказательств того, что эта часть цзацуань создавалась именно за пиршеством, нет, но косвенное доказательство этого он видит в коллективных стихах на заданную тему, которые импровизировались во время застольных игр (причем обычаем составлять такие стихи на пиршествах, как считает Ирия Ёситака, был особенно распространен в 20—30-е годы IX в.)²⁵. На эту мысль, по видимому, автора навело высказывание Ли Тао о «Цзацуань И-шаня», цитируемое Ма Дуань-линем в его литературной энциклопедии: «Если прибегать к сочинению подобных вещей, когда чарка вина обходит круг, то это может быть хорошим развлечением; и хотя их язык не отличается изысканностью, однако предметом насмешки в них служат людские слабости и недостатки, и потому для тех, кто их слушает, они могут служить предостережением, а не только забавой»²⁶.

Ирия Ёситака считает, что «„Цзацуань И-шаня“ имеют форму чего-то разрозненного, что было собрано небрежно и беспорядочно с самого начала их создания»²⁷. На основании всех этих соображений Ирия Ёситака полагает, что вряд ли о «Цзацуань И-шаня» следует говорить как о произведении, принадлежащем кисти одного автора. Кроме того, ученый не представляет возможным отождествлять автора изысканных стихов, великолепного стилиста Ли Шан-иня с автором афоризмов, «вульгарных по стилю и шутливых по содержанию»²⁸.

Профессор Кавагути Хисао, рассматривая «Цзацуань И-шаня» в связи с вопросом о влиянии этого произведения на японскую литературу, считает, как и другие авторы, что собрание «Цзацуань И-шаня» было создано во второй полови-

не IX в. (примерно к 860 г.). Как и Наба Тосисада, он сравнивает сходные места цза чао и цзацуань и полагает, что, по видимому, и то и другое создано на основе устных традиций VIII—IX вв. Осторожно высказываясь относительно авторства «Цзацуань И-шаня», Кавагути Хисао говорит, что, по видимому, трудно утверждать, что это произведение написано самим Ли Шан-инем²⁹.

Бонмаршан прямо не называет период создания «Цзацуань И-шаня». Он высказывает мнение, что оно могло проникнуть в Японию примерно в то же время, когда и поэтические произведения Ли Шан-иня, поэтому он считает, что они могли быть созданы в эпоху Ли Шан-иня, т. е. в 20—50-е годы IX в. Сравнивая «Цзацуань И-шаня» с высокопоэтической лирикой «внутреннего замкнутого мира» «Записок у изголовья» Сэй сёнагон, Бонмаршан характеризует собрание И-шаня как произведение, в котором «китаец, часто саркастический, стремится поучать, дать совет. Он отдаёт дань нравочениям конфуцианского порядка. И его, так же как Конфуция, философа практической жизни, мало интересует то, что выходит за эти рамки»³⁰. Бонмаршан говорит о цзацуань как о вульгарных афоризмах, которые, быть может, и можно приписывать Ли Шан-иню, «поскольку их тривиальные, но сатирические выражения хорошо отражают в общем порядке китайский дух»³¹.

Однако далее автор высказывает сомнение относительно принадлежности переведенных им изречений Ли Шан-иню. Бонмаршан говорит, что чтение стихов Ли Шан-иня, «которое позволяет составить представление о темпераменте и характере поэта, может лишь усилить эти сомнения»³². Основной довод автора ярко выражен в следующем его заключении: «Возможно ли, таким образом, приписывать эти вульгарные „цзацуань“ автору столь серьезному и обладающему такой индивидуальностью?»³³. В последней части работы Бонмаршан дает перевод шести больших поэтических произведений Ли Шан-иня, которые должны продемонстрировать контраст между цзацуань и поэзией Ли Шан-иня и тем самым убедить читателя, что такой большой и тонкий поэт, как Ли Шан-инь, вряд ли мог быть и автором цзацуань.

Таковы основные выводы современных исследователей по поводу «Цзацуань И-шаня». Подытожим их вкратце.

1. Периодом создания «Цзацуань И-шаня» все исследователи считают эпоху Тан — одни называют 20—30-е годы

²⁵ Ирия Ёситака, О «Цзацуань И-шаня», стр. 744, 745.

²⁶ Ма Дуань-линь. Литературная энциклопедия «Вэнь сянь тункао», Шанхай, 1936, стр. 1758 (на кит. яз.).

²⁷ Ирия Ёситака, О «Цзацуань И-шаня», стр. 746.

²⁸ Там же, стр. 789.

²⁹ См.: Кавагути Хисао, Сравнительное изучение истории японской литературы..., стр. 723, 725, 737—741.

³⁰ «Les notes de Li Yi-chan...», стр. 58.

³¹ Там же, стр. 64.

³² Там же, стр. 65.

³³ Там же.

IX в., другие увязывают период создания этого произведения с годами жизни и деятельности Ли Шан-иня, т. е. указывают примерно то же время.

2. Принадлежность «Цзацзуань И-шаня» перу Ли Шан-иня все ученые, за исключением Наба Тосисада, ставят под сомнение.

3. Вульгаризм, тривиальность цзацзуань противопоставляются изящной поэзии Ли Шан-иня и рассматриваются как один из доводов, позволяющих сомневаться в принадлежности первого собрания цзацзуань Ли Шан-иню.

4. Упор исследователей на «вульгаризм» цзацзуань без характеристики художественной стороны «Цзацзуань И-шаня» наводит на мысль о том, что исследователи недооценивают художественные достоинства этого произведения.

5. Наряду с шутливым характером цзацзуань в первом их собрании отмечается наличие дидактических замечок. Различные авторы относятся к этому по-разному. Наба Тосисада и Кавагути Хисао полагают, что в «Цза чао» и «Цзацзуань И-шаня» включены распространенные в ту эпоху максимы, причем Кавагути Хисао подчеркивает значение устной традиции при создании дидактических частей в обоих произведениях. Ирия Ёситака рассматривает соединение в одном произведении такого разнородного по характеру материала, как дидактические части, совпадающие с цзачао, и шутки, которые, по Ирия Ёситака, являются отражением экспромтов во время застольных игр, как возможное свидетельство того, что «Цзацзуань И-шаня» — результат коллективного творчества.

Вопрос о принадлежности «Цзацзуань И-шаня» Ли Шан-иню довольно подробно рассмотрен в специальной статье³⁴, и потому здесь мы не будем на этом останавливаться. Укажем только, что текстологический анализ источников, сопоставление данных старинных китайских каталогов и библиографий, а также знакомство с поэтическим творчеством Ли Шан-иня не дают оснований сомневаться в том, что автором «Цзацзуань И-шаня» был Ли Шан-инь.

Собрание «Цзацзуань И-шаня» включает в себя сорок две группы изречений³⁵. По стилю «Цзацзуань И-шаня» от-

³⁴ И. Циперович, По поводу авторства собрания заметок «Цзацзуань И-шаня», — «Историко-филологические исследования». Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада, М., 1967, стр. 401—409.

³⁵ Мы пользуемся текстом «Цзацзуань И-шаня» в издании «Цуншу цзичэн», которое воспроизводит текст этого произведения по антологии прозы «Море повествований древности и наших времен» («Гу цзинь шо хай», 1544 г.), поскольку стилистическая редакция этого варианта текста представляется наилучшей.

четливо распадается на две части. Нам представляется, что первые двадцать четыре группы цзацзуань принадлежат Ли Шан-иню. Возможно, сюда же следует отнести еще несколько последующих групп. Но после двадцать четвертой группы заметна резкая разница в стиле. Первая половина «Цзацзуань И-шаня» вполне достойна пера талантливого писателя, а вторая часть, в основном носящая дидактический характер и местами совпадающая с цзачао, по-видимому, явилась результатом добавлений, сделанных уже в последующие века³⁶.

Некоторое подтверждение этому мы находим в источниках сунского периода, в которых дается характеристика «Цзацзуань И-шаня». Прежде всего во всех этих источниках говорится о юмористической стороне цзацзуань и ни в одном не упоминается о том, что в них приводятся нравоучения³⁷. В краткой аннотации о «Цзацзуань И-шаня», данной в каталоге Чжи-чжая, прямо указывается: «Существует также довольно много других [вариантов] издания [текста], но все это уже добавления людей последующих времен»³⁸. При этом составитель каталога Чэнь Чжэнь-сунь ни на кого не ссылается — значит, возможно, он сам видел тексты этого произведения и с добавлениями и без них. А если еще в начале XIII в. Чэнь Чжэнь-сунь мог видеть «Цзацзуань И-шаня» без чьих-либо добавлений, то тем более такой текст могли видеть в ученых и писательских кругах X—XI вв.

Интересно отметить, что и последующие авторы цзацзуань в предисловиях к своим собраниям также подчеркивали

³⁶ Мы вполне допускаем возможность, что добавления могли быть сделаны не только к собранию цзацзуань в целом, но и к отдельным их группам и что первая часть собрания также дошла до нас не в первоначальной редакции. Это прослеживается, например, на тексте девятнадцатой группы «Убить красоту» («Ша фэнцзин»). Текст этой группы цзацзуань частично цитируется в «Критических заметках о поэзии» («Си цин ши хуа») сунского автора Цай Тао. Интересующее нас из этой книги место приводится сунским автором Ли Би в пояснениях к стихам Ван Ань-ши (см.: Ван Ань-ши, Комментированное собрание стихов Ван Цзин-гуна, Пекин, 1958, стр. 576, на кит. яз.). Сличение текста этой группы цзацзуань в печатных китайских антологиях с ее текстом в рукописном варианте антологин «Шофу» (изд. 1647, на кит. яз.), хранящемся в Национальной библиотеке Пекина, и в японском издании «Цзацзуань с комментариями и пояснениями Иваторэ Кентоку» (1913, на яп. яз.), а также в цитате, приводимой из нее в заметках Цай Тао, показало определенное расхождение в содержании данной группы цзацзуань в перечисленных текстах.

³⁷ См., например: Ма Дуань-линь, Литературная энциклопедия «Вэньсянь тункао» (годы написания: 1254—1280), стр. 1758; см. также аннотацию на это произведение в кн.: Чэнь Чжэнь-сунь, Аннотированный каталог собрания книг Чжи-чжая (составлялся примерно в 1240 г.), — «Цуншу цзичэн», т. 46, стр. 309, 310.

³⁸ Чэнь Чжэнь-сунь, Аннотированный каталог собрания книг Чжи-чжая, стр. 310.

шутливый характер «Цзацзуань И-шаня», ни словом не оговаривая их назидательную часть.

Таким образом, следует полагать, что дидактические части в «Цзацзуань И-шаня» являются более поздними добавлениями, не имеющими отношения к первоначальному тексту этого собрания, и тогда вполне возможно, что первое собрание цзацзуань — «Цзацзуань И-шаня» не представляло собой исключения в сравнении с последующими собраниями цзацзуань, в которых полностью отсутствуют дидактические элементы.

Разговор о «тривиальности», «вульгаризме» «Цзацзуань И-шаня» и на этом основании сомнения в принадлежности этого произведения талантливому литератору Ли Шан-иню вряд ли можно считать правомерным. Это разные по жанру произведения, с разной тематикой, написанные в разной манере, а мы знаем, как порой бывает трудно и по содержанию и по стилю узнать одного и того же автора, например, в его стихах, написанных в манере *цы* или в стиле *ши*.

Для задач настоящей работы важно установить, что понимают под «вульгаризмом» и «тривиальностью» исследователи цзацзуань. Создается впечатление, что авторы следуют точке зрения ортодоксальной старинной китайской литературной критики, не признававшей за настоящую литературу и характеризовавшей как «вульгарное» («су»), «тривиальное» («либи») все, что по содержанию и языку выходило за рамки «высокой литературы», написанной в «высоком стиле», на официально признанном литературном языке *вэньянь*. В связи с этим такая «вульгарная» литература, естественно, ортодоксальной критикой не рассматривалась и не учитывалась в официальных библиографических изданиях и каталогах. По-видимому, именно поэтому «Цзацзуань И-шаня», так же как «Второе продолжение цзацзуань» Су Ши, не вошли в собрания произведений этих писателей и не нашли отражения в известном «Сводном каталоге императорской библиотеки» («Сыку цюаньшу цзунму тияо»).

Обратимся непосредственно к характеристике жанра цзацзуань. Как уже отмечалось, в жанре цзацзуань писали различные авторы с IX и вплоть до XIX в. Собрание цзацзуань каждого автора имеет свои особенности. Однако различия в области содержания, идеологической направленности, характера юмора, языка и стиля не снимают жанровой общности всех произведений, написанных в манере «цзацзуань», независимо от того, называет ли автор свое произведение «Продолжением цзацзуань», подчеркивая традицию жанра, идущую от Ли Шан-иня, или как-нибудь иначе. Попытаемся кратко охарактеризовать общие жанровые признаки цзацзуань.

Цзацзуань — это произведения бесфабульные, написанные в виде небольших прозаических заметок. Человек с его привычками, помыслами, симпатиями и антипатиями, в его непрерывном взаимодействии с окружающей средой показан в отдельных жизненных явлениях, ситуациях, конкретных переживаниях. Большинство заметок состоит из одной фразы по пять-шесть слов.

Отличительная черта цзацзуань — своеобразная композиция. Под одним заголовком автор группирует заметки, в которых перечисляются различные явления, ситуации, поступки или переживания человека, аналогичные по той реакции, которую они вызывают или у стороннего наблюдателя, или у автора, или у тех людей, о которых говорится в данной группе цзацзуань. Эта реакция, охарактеризованная двумя-тремя словами, и составляет содержание заголовка. Заголовок вместе с относящимися к нему перечислениями составляет отдельную группу цзацзуань. Слова, выделенные в качестве заголовка, не повторяются в каждом перечислении, хотя в подавляющем большинстве случаев они логически и синтаксически входят в каждое перечисление, образуя с ним единую законченную мысль. Таким образом, полную тему, законченный мотив составляют заголовок в сочетании с каждым отдельным изречением. Мотивы перечислений свободны, независимы один от другого, не связаны между собой причинно-временной или какой-либо другой связью. Происходит конкретизация темы через отдельные примеры, через отдельные мотивы, которые нанизываются один на другой в порядке перечисления. Такая композиция обеспечивает предельную лаконичность цзацзуань, отточность мысли, делает каждое изречение более образным и легко запоминающимся.

В собрании цзацзуань в целом автор выражает свои мысли, соображения, чувства в связи то с одним, то с другим обстоятельством. Вот он увидел больного врача: этот случай навел его на мысль о других несоответствиях, которые «Странно видеть» (Ли Шан-инь); встретившийся человек с синяком под глазом — явным свидетельством недавней драки — наводит автора на мысль о других ситуациях, когда человеку «Стыдно показаться людям на глаза» (Ли Шан-инь). Одна группа цзацзуань тематически не связана с другой, нет какой бы то ни было закономерности в переходе от одной темы к другой. Для наглядности продемонстрируем эту особенность на первых пяти группах изречений из собрания «Продолжение цзацзуань» Ван Цзюнь-юя:

Типичный болван:
несет поднос — держит чуть ли не над головой;
нальет чаю — непременно до краев³⁹...

³⁹ В а н Ц з ю н ь - ю й, Продолжение цзацзуань, стр. 13.

Легко прибрать к рукам:
соседского котенка;
игрушку мальчика ⁴⁰...

Трудно управиться:
с капризной служанкой, любимицей хозяина;
со злой богатой женой ⁴¹...

Не жалеют:
когда умирает сводня ⁴²...

Ненадежны:
время, возвещенное барабанным боем ночной стражи
в захоlustье ⁴³...

Как видим, здесь самая неожиданная смена тем, как и неожиданны те ситуации, с которыми приходится сталкиваться человеку в повседневной жизни — отсюда соединение внутри одного художественного единства различных умозаключений, впечатлений, мыслей, переживаний. Быстрая смена тем заголовков сочетается с разноплановостью, а порой и контрастностью в содержании отдельных мотивов внутри одной группы цзацзуань, где перед читателем проходят различные поступки людей, характеры, мысли, ситуации. Это положение можно продемонстрировать на любой группе собраний цзацзуань. В качестве примера приведем восьмую группу из «Третьего продолжения цзацзуань» Хуан Юнь-цзяо:

Долго не удерживаются:
деньги — в руках игрока;
богатая земля — у нерадивого;
бедный чиновник — на выгодном посту;
цветы — под сильным дождем;
молодая жена — у старика-мужа;
провалившийся на столичных экзаменах сюац — в столице;
красивая служанка — у ревнивой хозяйки ⁴⁴.

Всего в нескольких строках здесь затрагиваются различные вопросы: семейные взаимоотношения, система государственного управления, взаимоотношения между хозяином и прислугой, явления природы. Такая пестрота, быстрая смена тем и мотивов, их разноплановость, создающая впечатление бессистемности и беспорядочности преподносимого литературного материала, является преднамеренным композицион-

⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же.
⁴³ Там же.

⁴⁴ Хуан Юнь-цзяо, Третье продолжение цзацзуань, стр. 4.

ным принципом цзацзуань, их отличительной жанровой особенностью.

Характерную черту цзацзуань составляет и графическая форма этих произведений: у большинства авторов каждое изречение внутри данной группы выделяется в самостоятельную строку. В данном случае такая форма как бы подчеркивает резкость смены мотивов, их независимость друг от друга. В сочетании с заголовком вся эта графическая форма, свойственная главному образам речи поэтической, играет существенную роль и в художественном восприятии: она дает зрительное указание на то, как следует читать произведение, подчеркивая и выделяя каждое из перечислений и придавая ритмичность всей группе в целом.

В целом ряде случаев и каждой группе цзацзуань свойственна своя внутренняя ритмика, которая достигается синтаксическим однообразием стиля входящих в эту группу изречений. Единство синтаксического построения внутри одной группы характерно для цзацзуань. Это единство при лаконичности цзацзуань дополняет ощущение ритмичности, вызываемое чисто графическим расположением материала, создает определенную интонационную мелодию при их чтении.

Параллелизм синтаксического построения можно проследить на многих группах любого из собраний цзацзуань. Для примера возьмем одну из групп цзацзуань Ли Шан-иня:

Не пренебрегаешь:
грубой пищей — если голоден;
заезженной клячей — когда идешь пешком;
возможностью хоть где-то присесть — в долгом пути;
холодным отваром — при жажде;
простой лодкой — если спешишь переправиться;
жалкой лачугой — когда хлещет дождь ⁴⁵.

Эту структурную особенность цзацзуань можно более четко представить, если, например, ту же группу изречений Ли Шан-иня воспроизвести в оригинале (пользуясь русской транскрипцией китайских звуков):

Бу сянь
цзи/ ⁴⁶ дэ цу ши;
ту син/дэ ле ма;
син цзю/дэ цзоцы;
кэ/инь лэн цзян;
син цзи/дэ сяо чуань;
юй юй/дэ сяо у.

⁴⁵ Ли Шан-инь, Цзацзуань И-шаня, стр. 1, 2.

⁴⁶ Косой чертой отмечена цезура, то есть место словораздела, интонационной паузы.

Во всех шести строках одно и то же построение, одна и та же организация материала; в качестве сказуемого в пяти случаях используется один и тот же глагол *дэ* («получить», «раздобыть», «напасть на» и т. п.) и в одном случае глагол *инь* («пить»), который в данном контексте вполне может быть заменен тем же глаголом *дэ*; цезура во всех строках перед сказуемым. В китайском оригинале изречения предельно лаконичны: каждое содержит четыре-пять слов (чего не всегда удается добиться в переводе).

В отдельных случаях мы встречаемся с изречениями, написанными в строгом параллелизме и состоящими всего из двух-трех слов. Таковы, например, две нижеследующие группы в собрании *цзацзуань Ван Цзюнь-юя*:

Нельзя поручать другим:
идти на смотрины;
подбирать служанку;
покупать лошадь;
уговаривать гетеру вернуться;
считать мелкие деньги ⁴⁷.

Ни на что не пригодны:
дырявый горшок;
стоптанный ботинок;
доски со старыми заклинаниями;
прошлогодний календарь;
сломанная игла;
облезлая кисть ⁴⁸.

Таким образом, мы имели возможность убедиться, что этим сугубо прозаическим произведениям в то же время свойствен определенный лирический настрой, определенное сходство с поэтическими жанрами: характер изображается не через сюжет, а через отдельные поступки, настроения; достаточно строгая внутренняя ритмика в преобладающем большинстве изречений; графическая форма. Несомненно, что подобная литературная форма *цзацзуань* не случайна. В ее появлении сыграли определенную роль тенденции китайского литературного языка к экономии и, возможно, распространенный в среде литераторов обычай сочинять поэтические экспромты на заданную тему в виде застольных игр, поэтического соревнования с друзьями. В какой-то мере в этой форме отразилась бытовавшая в эпоху Тан литературная форма, в которой писались популярные в народе руководства-наставления, касавшиеся правил и норм поведения человека в семье и обществе.

⁴⁷ Ван Цзюнь-юй, Продолжение *цзацзуань*, стр. 15.

⁴⁸ Там же, стр. 16.

Будничность содержания составляет одну из главных отличительных черт *цзацзуань*. С этой точки зрения, пожалуй, каждое из известных нам собраний *цзацзуань* можно было бы назвать «Наброски из повседневной жизни», «Размышления о будничном» и т. п. Потому что именно обычная будничная жизнь человека, с его горестями и радостями, повседневными заботами, привычками, мыслями, слабостями составляет главное содержание *цзацзуань*.

Цзацзуань несомненно написаны людьми, принадлежащими к кругам высокообразованной китайской интеллигенции, что, естественно, нашло отражение в содержании этих произведений. В них порой с иронией говорится о людях, не разбирающихся в поэзии, неверно пишущих иероглифы, берущихся судить о литературном творчестве, не имея на то никаких данных. Нередко авторы подсмеиваются над нерасторопными и нерадивыми слугами, досадуют, что на пир ученых врывается простолоудин. Однако *цзацзуань* не имеют ничего общего с философскими заметками ученого. Авторы *цзацзуань* наблюдают жизнь везде: на рынке, в доме простого крестьянина, в уездном управлении, на улицах и переулках маленького городка. Это отличие *цзацзуань* подчеркивали и сами авторы произведений. Так, Хуан Юнь-цзяо, оценивая в нескольких словах *цзацзуань* Ли Шан-иня, пишет: «Ли Шан-инь на основании того, что он слышал в переулках, написал забавные шутки...» ⁴⁹.

И действительно, все, что наблюдательному человеку доводилось увидеть, услышать, подметить,— все это правдиво, лаконично, образно и остроумно отражено в *цзацзуань*. Перед читателем возникает целая серия картин, быстро сменяющихся, предполагающих знание быта, этических норм соответствующего времени, психологии людей. Многие картины воспринимаются как маленькие жизненные сценки, как фрагменты большого полотна жанровой живописи. Здесь и муж, отчитывающий по настоянию ревливой жены любимую служанку, и убогое пиршество нищих, и чиновник, в жару плетущийся встречать высокое начальство, и уездный начальник в окружении многолюдной свиты на пустынной улице маленького городка и др.

В лаконичных высказываниях чувствуется большой жизненный опыт автора, тонкая наблюдательность, умение подметить какой-нибудь порой незначительный, но типический штрих, какую-нибудь типическую черту в поведении человека. И какими бы незначительными ни казались обстоятельства, факты и ситуации, о которых говорится в этих произведениях, всегда чувствуется, что они верны правде жизни.

⁴⁹ Хуан Юнь-цзяо, Третье продолжение *цзацзуань*, стр. 1.

Это качество цзацзуань справедливо подметил Лу Синь. Оценивая «Цзацзуань И-шаня», он пишет:

«Здесь собрано исключительно то, о чем говорят и что наблюдается в обыденной жизни людей... И хотя автор останавливается на самых незначительных мелочах, он глубоко проникает в сокровенную суть жизни своего века, и, конечно, нельзя рассматривать цзацзуань Ли Шан-иня только как шутку, анекдот...»⁵⁰. В этой связи прав и Бонмаршан, когда говорит, что автора цзацзуань «мало интересует то, что выходит за рамки практической жизни...»⁵¹.

Со страниц собраний цзацзуань выступают представители различных общественных классов и социальных прослоек: богачи землевладельцы и калеки-нищие, начальные уездов и мелкие чиновники, военачальники и неудачники студенты, монахи и монашенки, слуги, торговцы, мясники, девицы из увеселительных заведений и т. д. Эти люди совершают какие-то деяния — хорошие или плохие, высказывают свои сокровенные мысли — благородные или низменные; и в том, как автор говорит об этих людях, их думах и поступках — с добродушной улыбкой или злой иронией, проявляется его подлинное лицо, его любовь к людям и нетерпимость ко всякому угнетению свободной личности.

Многие строки цзацзуань отражают любовь к природе и поэзии, уважение к учености, к старинным классическим книгам. В них говорится о наслаждении, которое доставляет человеку любованье природой, ее красотами. Это общечеловеческое чувство любви к природе, искусству было развито в Китае особенно сильно. Художественный вкус, воспитанный веками, и эстетическое чутье, свойственное не только одиночкам-эрудитам, поэтам и писателям, а всему китайскому народу, не могли не найти выражения в таких жизненных и реалистических произведениях, как цзацзуань. Именно поэтому авторы цзацзуань, говоря о природе, с любовью пишут обо всем, что радует глаз, услаждает ухо, и зло иронизируют над тем, что портит красоту, нарушает гармонию.

Итак, будничность содержания и обилие отраженного в нем жизненного материала составляют отличительную особенность цзацзуань.

С содержанием цзацзуань, а также их композиционной организацией тесно связано и своеобразие языка произведений этого жанра. Говоря о языке, мы имеем в виду общую характеристику языка, которым написаны цзацзуань.

В Китае долгие века сосуществовали два вида письменной литературы: произведения, написанные на официально

признанном литературном языке вэньянь, использовавшем древнекитайскую грамматику и лексику, и потому доступные лишь узкому кругу высокообразованных людей, и литература, написанная на байхуа — языке, близком к разговорной речи, и потому доступная относительно широкому кругу людей, понятная на слух. Наряду с этим элементы разговорного языка нередко проникали в литературный язык, и наоборот. Предельная лаконичность цзацзуань, своеобразие их композиции, объясняет то обстоятельство, что в цзацзуань почти нет служебных морфем, на которых нагляднее всего можно было бы проследить характер языка того или иного старинного произведения. Исключение в этом отношении в каждом собрании составляют не более чем несколько групп. Так, в собрании «Цзацзуань И-шаня» служебные морфемы встретились, например, в восьмой, тринадцатой и двадцать четвертой группах. В восьмой группе — это союзные слова литературного языка «тогда» («цзэ», «бянь»); в двадцать четвертой также служебные морфемы литературного языка: «как будто», «в роде» («сы», «жо»). В тринадцатой группе повторяются конструкции с глагольной связкой разговорного языка *ши* и встречается вопросительная частица разговорного языка *ма*. Заметим здесь, что тринадцатая группа — это одна из тех групп собрания Ли Шан-иня, которую можно считать написанной типичным разговорным стилем.

В связи с почти полным отсутствием служебных морфем характер языка изречений цзацзуань прослеживается в основном на их лексике. Анализ цзацзуань показывает, что для этого жанра характерен язык, в котором смешаны элементы разговорного языка и классического литературного языка вэньянь; причем элементы разговорного языка явно преобладают. Мы можем сказать, что лексика изречений в подавляющем большинстве разговорная. Благодаря значительному удельному весу бытовой разговорной лексики большая часть цзацзуань была вполне доступна любому слушателю в свое время и довольно легко воспринимается на слух даже в наши дни. Эта особенность цзацзуань вытекает из их содержания: факты будничной жизни преимущественно простого городского люда, описанные без всякого приукрашивания, переданы языком, стилистически соответствующим характеру факта.

В части, написанной на вэньянь, язык непритязателен, и употребление вэньянь в этих произведениях скорее всего обусловлено стремлением автора к лапидарности. Старинным книжным языком вэньянь обычно передают те факты и явления, в которых говорится о красоте природы, поэтическом вдохновении, достоинствах человека, его эрудиции.

Смешение в цзацзуань элементов языка вэньянь и элемен-

⁵⁰ Лу Синь. Краткая история китайской прозы «сяошо», стр. 70.

⁵¹ «Les notes de Li Yi-chan...», стр. 58.

тов разговорной речи, причем преобладание именно элементов языка разговорного, составляет еще одну из основных черт цзацзуань, определяющих значимость этих произведений как памятников китайской демократической литературы.

Большинство цзацзуань носит шуточный характер, что позволяет говорить о юморе как об одной из основных отличительных черт этого жанра. Смешное в цзацзуань — это не надуманные шутки, а подлинный юмор, основанный на материале фактических жизненных наблюдений.

Основным источником юмора в этих произведениях являются удачно подмеченные автором противоречия установленным жизненным нормам, всевозможные отклонения от привычных представлений и сложившихся понятий. Это как раз та сторона юмора, которую имел в виду Гегель, когда писал, что людей «может заставить смеяться что-нибудь самое плоское и безвкусное, а часто они смеются над столь же важным и глубоким, если только в нем обнаруживается какая-либо совершенно незначительная сторона, находящаяся в противоречии с их привычкой и обыденным представлением. В этом случае смех служит лишь для проявления приятно настроенной смешливости, — есть знак того, что смеющиеся достаточно умны, чтобы понять такой контраст и сознавать себя выше этого»⁵².

Неожиданные отклонения от установившихся представлений не могут не вызвать улыбки читателя: беременная монахиня; палач, который постится; безграмотный учитель; матрос, не умеющий плавать; заигрывающий с девицами монах; верзила в коротких штанах; ученый, которого колотит его собственная жена; храм, в котором разводят кур; военный парад в деревне из трех домов и многое другое, что меньше всего соответствует обычным представлениям о людях и привычных явлениях.

Нередко жизненные несоответствия проявляются в юморе факта, комизме ситуации. Такие моменты часто подмечаются авторами цзацзуань и создают эффект смешного: любовник, оказавшийся в незавидном положении; чиновник, у которого зачесалась спина как раз в тот момент, когда он был на приеме у начальника; человек с больной печенью за столом, уставленным изысканными яствами; спорящие друг с другом зайки и так далее и тому подобное.

Блещат остроумием также те строки цзацзуань, в которых говорится о нелогичности какого-либо действия, явления, поступка. В этом отношении характерна одна из групп изречений Ван Цзюнь-юя:

⁵² Гегель. Принципы трагедии, комедии и драмы, — «Литературный критик», 1936, № 3, стр. 88.

Бесполезно:

выдавать дочь за евнуха;
угощать чаем после обеда;
ходить в гости на ужин, когда постишься;
давать зарок не играть, когда проиграл все, что имел;
бросать пить после того, как спьяна убил человека;
перед смертью давать обет добродетели;
рыть колодезь, когда захотелось пить;
чинить лодку в море;
получить помилование после казни;
седло — когда уже отчаливает твоя лодка;
выдержать столичные экзамены на старости лет;
посылать за певицами, когда все вино выпито;
поглаживать по руке, когда хватил по ней топором;
слушать похвалы от экзаменатора, когда провалился⁵³.

Часто авторы цзацзуань иронизируют над человеческими слабостями и недостатками, суевериями, и потому можно говорить о воспитательной роли этих произведений. Критическую сторону цзацзуань отмечали и сами их авторы. Так, оценивая цзацзуань своего друга Вэй Гуан-фу, Гу Лу пишет: «Что ни фраза, то шутка, и в каждой из них очень метко высмеиваются пороки наших дней»⁵⁴.

Неверно было бы думать, что юмор изречений цзацзуань — это всегда лишь нечто развлекательное, комическое, смешливое. В этом юморе нередко ощущается сострадание к людям. В насмешке или в иронии автора чувствуется глубокое понимание человеческой души, а порой и жизненной трагедии, чувствуется большой гуманизм благородного человека, остро переживающего все, что происходит вокруг. Это хорошо видно, например, из следующих строк, проникнутых мягким юмором, чуткостью и лиричностью:

Поневоле приходится иногда:
больному пить вино;
в знойный день сидеть на пиру;
наказывать собственных детей;
потеть и кланяться;
прижигать больное место;
перед женой отчитывать любимую служанку;
в жару встречать начальство;
на старости лет уходить в отставку;
бедному монастырю принимать важных гостей⁵⁵.

Ли Шан-инь

Ни за что не выпросить:
кусочек хлеба — у скупого;
бедному, но гордому ученому — деньги в долг;
бедному студенту — в жены дочь богача⁵⁶.

Хуан Юнь-цзяо

⁵³ Ван Цзюнь-юй, Продолжение цзацзуань, стр. 17.

⁵⁴ Вэй Гуан-фу, Новое продолжение цзацзуань, стр. 4а.

⁵⁵ Ли Шан-инь, Цзацзуань И-шаня, стр. 2.

⁵⁶ Хуан Юнь-цзяо, Третье продолжение цзацзуань, стр. 11.

Авторы подобных высказываний не могут, естественно, оставаться равнодушными к любому проявлению неравенства, угнетения, подавления личности. Не удивительно поэтому, что они откликаются на злободневные факты текущей политической жизни и часто говорят о насилии над простыми людьми, о продажности чиновничества, бюрократизме управления, — короче, о социальной несправедливости, которую они видят вокруг. И тут на смену добродушному юмору приходит колкий, язвительный смех, а порой и прямое обличение. Эта обличительная сторона цзацзуань особенно ярко выступает в собраниях цзацзуань выдающихся поэтов-гуманистов Ли Шан-иня и Су Ши.

Так, ряд строк в собрании «Цзацзуань И-шаня» зло высмеивает чиновничество:

Очень напоминает:
столичный чиновник — тыкву: растет незаметно и быстро;
уездный начальник — тигра: чуть шевельнет лапой — убьет⁵⁷.

Недолго сердится:
чиновник-взяточник — на своих подчиненных⁵⁸.

Врут:
когда в бедном уезде твердят, что у них честный начальник⁵⁹.

Су Ши, занимавший различные государственные посты и не раз подвергавшийся опалам, прямо и остро обличает социальную несправедливость своего века. Иногда целые группы изречений в его собрании цзацзуань носят социальный, политический характер. Подобной группой открывается его собрание:

А что поделаешь:
если писари в управлении гнут закон, как им угодно;
если ты — инспектор и знаешь, что твои подчиненные
возами берут взятки;
если и видишь, как несправедливо в суде судят
простых людей;
если и знаешь, кто клеветает на тебя начальству⁶⁰.

У него же читаем:

Невольна душа протестует:
когда бездарный человек занимает высокий пост⁶¹...;

Не очень-то следует верить:
секретарю, если он необычайно вежлив
и предупредителен⁶²..;

Сердцу милы:
добропорядочные служащие ямэня⁶³...

В собраниях цзацзуань других авторов также встречается немало строк, зло высмеивающих тупость, продажность, самоуправство и жестокость чиновничества.

Подытоживая изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Цзацзуань следует рассматривать как определенный сложившийся жанр китайской повествовательной литературы малых форм, несмотря на то что он представлен немногочисленными авторами.

2. Исследователи, в той или иной связи изучавшие «Цзацзуань И-шаня», как правило, останавливались на вульгаризме цзацзуань, не уделяя внимания их художественной стороне. Между тем произведения этого жанра, и в первую очередь «Цзацзуань И-шаня», отличаются высокими художественными достоинствами. Основное художественное качество изречений цзацзуань — их народность, то есть верность изображаемого жизненной правде, демократичность содержания и формы и потому доступность широким кругам.

3. Дальнейшее изучение цзацзуань представляется столь же необходимым, как и перевод на русский язык всех собраний цзацзуань. Это даст возможность включить в обиход мировой литературы произведения, новые по своей оригинальной литературной форме и очень ярко отражающие китайский быт соответствующей эпохи⁶⁴.

⁶² Там же, стр. 22.

⁶³ Там же, стр. 24.

⁶⁴ Когда настоящий сборник уже находился в наборе, мы получили возможность ознакомиться с переработанным полным и комментированным переводом «Цзацзуань И-шаня» на японский язык («Кайтэй И-шань дза-сан цусяку»), выполненным проф. Мекада Сакуо. Перевод этот, опубликованный летом 1968 г. в г. Фукуока, был любезно прислан в Ленинград проф. Мекада Сакуо.

⁵⁷ Ли Шан-инь, Цзацзуань И-шаня, стр. 24.

⁵⁸ Там же, стр. 3.

⁵⁹ Там же, стр. 4.

⁶⁰ Су Ши, Второе продолжение цзацзуань, — лит. по изд. «цуншу цзицэн», кн. 2987, стр. 21.

⁶¹ Там же, стр. 21—22.